

МАРИ КЛАРМОН

ВОЗРОЖДЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К47

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Maire Claremont

THE DARK AFFAIR

Перевод с английского *Н.А. Аниськовой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Fielding Agency и Andrew Nurnberg.

Клармон, Мари.

К47   Возрожденная любовь : [роман] / Мари Клармон ; [пер. с англ. Н.А. Аниськовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-089034-7

Молодая ирландка Маргарет Кассиди отчаянно нуждается в деньгах, чтобы помочь своему брату, и потому вынуждена принять предложение английского аристократа о браке с его сыном, виконтом Пауэрзом, который после трагической гибели жены и маленькой дочери утратил интерес к жизни.

Но со временем в душе прелестной, доброй Маргарет пробуждается нежное чувство к супругу. Сумеет ли она научить этого отчаявшегося, замкнувшегося в себе человека радоваться жизни, подарить ему новое счастье и новую, страстную любовь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-089034-7

© Maire Claremont, 2014
© Перевод. Н.А. Аниськова, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

Глава 1

*Лондон
1866 год*

Лорд Джеймс Стенхоуп, виконт Пауэрз, готов был прикончить стоявшую перед ним наглую ирландку. Медленно и мучительно. Он собирался убить ее за то, что посмела упомянуть его жену. За то, что осмелилась прошептать имя его дочери. Он собирался разорвать ее в клочья за то, что она предположила, будто он, сын графа Карлайла, безумен.

— Милорд? — спросила она; ее голос возвышался над воющими и лающими голосами, разносившимися среди похожих на клетки комнат психиатрической лечебницы.

Джеймс моргнул. Тени единственной в камере газовой лампы танцевали над ней. Его мысли внезапно перенеслись к шороху ее накрахмаленных юбок. К тому, как они облегают ее бедра и тоненькую затянутую в корсет талию. Невероятно: она была такой миниатюрной, даже не доставала ему до плеча. Наверняка была не выше его груди. Наверняка. Да, как волшебный эльф.

Виконт потряс головой, но движения казались скованными, словно сквозь мутную воду. О чем он думал? Ах да. Он разозлился на крошечное существо, был в

ярости. А теперь? Он сглотнул, комната покачнулась под ногами, и его тело накренилось в воздухе... И все же он не упал. Лорд Стенхоуп держался на ногах прямо и твердо, несмотря на предательское чувство, будто его уносит течением. Он распахнул глаза как можно шире и пробурчал сквозь неприятное головокружение:

— Что вы сказали?

Она шагнула ближе, ее мягкие медные волосы сверкали в полутьме.

— Я только спросила разрешения называть вас по имени, милорд, а не о полной истории вашего злоупотребления опиумом.

Господи... Как же ее рот двигался, пока она говорила... Как до безумия сладострастно звучал ее глубокий ритмичный голос... Даже ее розовые губы были сочными. Умопомрачительное произведение эротического искусства: роскошные, слегка сжатые — не для поцелуя, а от неодобрения. Виконт поднял бровь, намереваясь поставить ее на место. Крайне сложная задача, учитывая, что он был заключенным, а она следователем. И то, что его мозг, казалось, действовал по собственному усмотрению, без всякого смысла и логики, тоже не помогало.

Лорд Стенхоуп уже несколько дней не принимал опиум, но по-прежнему чувствовал себя в его власти. Это беспокоило больше всего.

— Пауэрз, — произнес он твердо.

Она фыркнула. Ее вздернутый носик, незапятнанный обычным проклятием рыжеволосых — веснушками, раздраженно наморщился.

— Это ваш титул. Я снова прошу разрешения называть вас по имени.

В приглушенном свете ее кожа казалась прозрачной. Виконт спрашивал себя, коснется ли он смерт-

ной плоти, если протянет руку и дотронется до нее? Или ладонь пройдет насквозь через казавшуюся прозрачной женщину?

— Мое имя было только для одной женщины. — Почему стало так сложно говорить? Он сглотнул и медленно добавил: — А вы не она.

Ирландка склонила голову набок. Ее кудри, убранные назад в тугий шиньон, выбились у виска и упали на высокие скулы.

— И вы не сделаете для меня исключения? — Она улыбнулась. Дьявольски обаятельная улыбка эльфа. — Для такой милой крошки, как я?

Он улыбнулся в ответ:

— Я скорее вам руки оторву.

Ее коричневые брови поднялись, потрясаяще имитируя его собственный жест.

— В самом деле? Как было бы жалко, ведь мне так нравятся мои руки. — Она облизала губы...

Ни в коей мере не соблазнительный жест, поскольку ничего вызывающего не было в ее сдержанном поведении, источавшем пристойность от кончиков зашнурованных ботинок вверх по угольному платью и до накрахмаленного белоснежного воротника, стягивающего прямую шею.

— Как вы не понимаете? Я хочу, чтобы мы общались на равных. И если вы не желаете вести себя как джентльмен, то я вынуждена перестать быть леди.

Перед ним вспыхнуло видение ее обнаженного белого тела, распростертого на каменном полу, ее целомудренные серые юбки задраны до талии, белые ноги раздвинуты, чулки сползли по бедрам. Он бы ею наслаждался. Зарылся бы лицом в ее сладкие горячие складки. Пронзившее его желание было таким сильным, что он едва мог сдерживаться. Но эта дама

казалась мраморной, идеальной, гладкой. Белой как фарфор, но горячей. Она не была бы холодной в его руках. Нет. Она стала бы дикой, ненасытной и горячей, открытой для его языка и ласк.

— Как интересно, — произнес он, с трудом обретая голос среди странно путавшихся мыслей, и размышляя, может ли такая женщина когда-либо опуститься до его полного отсутствия приличий. — Я бы с удовольствием посмотрел, как вы перестанете быть... леди.

Она покраснела, но потрясающий взгляд сощурившихся глаз по-прежнему оставался твердым. Господи, ее глаза были грешного цвета вест-индских вод, которые делали мужчин пиратами. Может, ее глаза и его довели бы до грабежа. Что бы там ни было, ему хотелось разжечь в них огонь... и когда огонь разгорится, она сделает все, что захочет лорд Стенхоуп. Она освободит его из этого сумасшедшего дома: ему здесь не место.

— Ваши мысли пребывают в той же канаве, в которой нашли и вас... Джеймс.

Джеймс.

Глубокая боль, пронзившая сердце, вывела его из туманного ступора. Виконт метнулся вперед, его длинные ноги проглотили пространство, он толкал ее назад, даже не дотрагиваясь, пока наконец она не врезалась в каменную стену позади. Он выбросил руки перед собой и уперся ладонями в стену по обеим сторонам ее головы. Холодная поверхность отозвалась глухим звуком под ладонями, когда он зажал ирландку между своим телом и каменной стеной. К ее чести она не вздрогнула, несмотря на то что он возвышался над ней.

Толкавший его вперед гнев не давал ему качаться или снова потерять мысль, когда он прошипел с предостережением:

— Еще раз назовете меня Джеймсом, и вы труп.

Только жена могла называть его Джеймсом. Только жена. И она... София... Софии больше нет. Однажды была другая женщина — такая же, как он, поглощенная опиумом, — которая, как ему казалось, могла бы называть его по имени. Но это была ошибка: она принадлежала другому. И поэтому больше никто не будет снова называть лорда Стенхоупа Джеймсом.

И уж, конечно, не эта девчонка, посмевавшая войти к нему в камеру и обращаться с ним как с подопытным насекомым в коробочке.

— К счастью, я заблаговременно приготовила себе место среди ангелов и не боюсь умереть. — Ее грудь, затянутая в корсет, поднимавшаяся и опускавшаяся в такт быстрым вдохам и прижатая к стягивающей ткани лифа, опровергала ее спокойные слова. Ее взгляд встретился с его глазами: уверенный, спокойный, бесстрашный... и интригующий. — Вы же, кажется, направляетесь к воротам ада.

— Мы с адом хорошие друзья, — прорычал он тихо, опуская губы ниже, пока они не оказались на расстоянии вдоха от мягких волос сирены. — Мы всегда рады новым членам.

По другую сторону толстой железной запертой двери послышались шаги. Его взгляд на мгновение метнулся к выходу. Смотрители почувствовали его неповиновение, приготовились войти разом и вбить в него послушание. Обычно, чтобы стреножить Пауэрза, требовалось по крайней мере трое.

Из всех мест, куда виконта могли отправить, это было одним из лучших. И все же его злило, что он вообще тут очутился.

Даже несмотря на то, что Джеймс находился так близко к девчонке, она не позвала зрителей, чтобы

те связали его, как делали остальные. За те несколько дней, что его здесь держали, бесчисленные люди, посланные его отцом урезонить его, бежали почти мгновенно, оставляя Стенхоупа бесноваться в оковах.

Почему она не боялась? И о чем, черт возьми, думал его отец, посылая к нему эту миниатюрную женщину, когда он в таком состоянии?

Ясно, что отец в отчаянии. Ни при каких других обстоятельствах старик не послал бы женщину, и к тому же ирландку.

Виконт скользил взглядом по ее лицу, задерживаясь на этих сочных губах... Он не мог вспомнить, когда в последний раз был с женщиной. По меньшей мере прошли месяцы. Он бросил их задолго до того, как попал в эту клетку. Не мог выносить пустоту этих совокуплений. Но эта... В ней было что-то неоспоримо уникальное, словно она могла ударить его учительской линейкой и потом поцелуями прогнать боль.

Она легко цыкнула, игнорируя его нападение и попытки выбить ее из колеи.

— Вот что вы сейчас делаете? Такое поведение только укрепит ваше положение в этом месте. — Она посмотрела вверх, ее потрясающий взгляд окинул промозглую камеру, сырой интерьер и непропорциональную постель. — Вы этого хотите?

Джеймс помедлил, размышляя над ее словами. Он не был безумен. Не был. И все же отец поместил его сюда. Для блага своего сына, как сказал старик. Тонкий, вкрадчивый голосок в его голове прошептал, что, возможно, он все же безумен. Безумнее, чем любой отравленный ртутью болванщик. Эта мысль потрясла Джеймса, заставляя дрожать от ярости и боли, от того, что это случилось с ним.

— Мои желания вас не касаются.

— Увы, касаются. — Ее осторожный взгляд безжалостно зондировал Стенхоупа. Пробиваясь сквозь все преграды, намеренный сломать его. — Без моего приказа вы останетесь в этой камере.

«Да кем она себя возомнила?» Он ударил ладонью по стене, не желая, чтобы им управляли.

— Вы не можете меня здесь держать!

Она моргнула, но потом вызывающе вздернула подбородок.

— Могу.

Виконт тяжело сглотнул, его взгляд мгновенно поплыл. Способность держать себя в руках покидала его под напором ее слов. Быстро. Желание от нее избавиться, заставить ее уйти, чтобы эта леди, полная красоты и самообладания, не видела его в таком отвратительном состоянии, заставило его застонать.

— Проваливайте.

Очевидно, подобные оскорбления были для нее не впервой, поскольку ее хладнокровие не пострадало.

— Ну же, вы ведь не думаете, что подобная околесица вам поможет?

Как давно она этим занимается, что ее не волнует его грубое обращение? Сколько мужчин оскорбляли ее? Нападали на нее? Мысленно раздевали ее, совокуплялись с ней? Одно упоминание об этом вызывало у Джеймса отвращение. У него все внутри напряглось и загорелось неожиданной яростью и желанием уничтожить всех этих мужчин. Даже в его странном состоянии. Но он не желал, чтобы она поняла, что ему не все равно. Что он способен думать о чем-то благополучии.

— Мне совершенно наплевать.

Она откинула голову назад, тугой узел волос ударился о скользкую стену за ее спиной.

— Я в это не верю. Ради всех святых на небесах. — Она помедлила. — Вы не знаете, кто я, но я знаю вас. Вы — хороший человек. Вы не тронете женщину, милорд. Единственный, кому вы причиняете вред, это вы сами.

Стенхоуп фыркнул.

— Только поэтому ваш отец смог убедить меня прийти сюда.

— Очень глупо с вашей стороны.

Она сжала идеальные губы и произнесла:

— Вы забросили себя и того человека, которым можете быть.

Джеймс тяжело втянул воздух, раздраженный тем, что не знает, о чем она говорит.

— Вы ничего обо мне не знаете.

Ее взгляд смягчился.

— Я знаю, что вы послали три тысячи фунтов в Ирландию. На запад.

Он моргнул и задумался. Невозможно, чтобы такая мелочь заставила ее думать о нем хорошо, ведь так?

— И?

Она вздохнула.

— Вы хоть знаете, скольких вы спасли? Только благодаря этим деньгам моя семья смогла позаботиться об умирающих от голода*.

Ирландка говорила так искренне, что виконт отвел взгляд.

---

* Великий голод, или Ирландский голод — период массового голода, болезней, смертей и иммиграции в Ирландии между 1845 и 1852 годами. Около миллиона человек умерли и еще миллион иммигрировали из Ирландии (в основном в Америку), что привело к сокращению коренного населения страны примерно на 25% (здесь и далее примеч. пер.).

— Это были всего лишь деньги.

— Они были очень важны, — произнесла она твердо. — И я не позволю вам об этом забыть.

— У вас нет власти заставить меня делать что-либо.

— Тут я должна с вами не согласиться. Ваш отец дал мне такую власть. На время.

Пальцы Джеймса сжались, ногти слегка царапали шершавую поверхность, он отчаянно желал дотронуться до чего-то столь восхитительного, как ее волосы. Каково это снова прикасаться к чему-то прекрасному? Каково чувствовать, как что-то прекрасное позволяет прикоснуться к себе?

То, как ирландка на него смотрела, словно он не был последним отбросом общества, затронуло что-то глубоко внутри его, побуждая поверить. Но он не мог. Он слишком далеко зашел по дороге разрушений, чтобы когда-нибудь вернуться назад.

— Я могу вам помочь, — прошептала она.

Виконт разжал руки, испытывая отвращение от того, что помышлял дотронуться до нее или что она действительно может ему помочь. И поскольку ему нужно убедить ее в этой простой мысли, он склонил голову к ней и пробормотал:

— Как прискорбно, что вы так считаете.

Глава 2

Реакция ирландки оказалась совсем не такой, как он ожидал. По правде сказать, Джеймс начинал подумывать, не провалился ли он в кэрролловскую кроличью нору. Несомненно, его жизнь перевернулась с ног на голову.

Вместо того чтобы содрогнуться от его жестоких слов, она оставалась неподвижной и просто сказала:

— Ваш отец и соответственно комитет, управляющий этим заведением, считают, что для вашей безопасности вас надо держать под наблюдением. Все потому, что вы не в состоянии больше контролировать свой гнев... и ваше пристрастие к опиуму.

Он дернулся, его руки соскользнули со стены.

— Прошу прощения?

— Вы будете считаться сумасшедшим и находиться в руках докторов, пока я не скажу вашему отцу, что согласна взять вас под свою опеку. — Ирландка слегка изогнула брови. — Какая ирония, не правда ли? Ничтожная девчонка распоряжается могущественным виконтом Пауэрзом?

Комната снова завертелась, и Стенхоуп закрыл глаза, отчаянно пытаясь удержаться на ногах. Он потянулся и схватил ее за запястье.

— Я вам не верю.

Ирландка напряглась, но не закричала. Не издала ни звука. Только вызывающе смотрела прямо ему в глаза, призывая его сделать правильный выбор, не безумный. Несмотря на это, когда его пальцы сжали ее запястье, Джеймс не мог не смаковать ощущения ее хрупких костей и гладкой кожи под его загруbevшими руками. Словно он прицепился к якорю, который удержит его и не даст унести в бушующие морские волны.

— Я знаю, когда вижу человека, варящегося в котле, исполненном собственной боли. Почему бы вам мне об этом не рассказать?

Джеймс фыркнул.

— Мне не нужна ничья помощь. И я не собираюсь с вами говорить о подобных вещах.

— Разумеется, но разве вы не можете сделать исключение, исходя из сложившихся обстоятельств? — спросила она. — Вы ведь не хотите оставаться здесь, пока они не свяжут вас как рождественского гуся?

Господи боже мой! Как, черт возьми, он здесь оказался? В этой комнате. С этой хладнокровной ирландской крошкой, отпускающей шутки по поводу его заключения? Он, виконт Пауэрз, в сумасшедшем доме. Ах да... Отец засунул его сюда. Но почему? Из-за того, что он устроил несколько дебошей в последние недели? А кто не устраивал? Хотя последний был, конечно, особенно плох. Стенхоуп с трудом мог вспомнить большинство дней, только окровавленные и покрытые синяками кулаки и запах раскуренного опиума. Но это вряд ли можно считать...

— Вы меня слушаете, Джеймс? Если да, то будьте добры, отпустите мою руку.

Вместо этого он медленно притянул ирландку и переплел вместе их пальцы, держа ее за руку так, словно кавалер на прогулке в парке. Она ведь хотела быть ближе, правда?

— И как вас зовут?

От его неожиданно настойчивого, но нежного прикосновения у нее дернулась скула.

— Маргарет.

— Мэгги. — Он мрачно улыбнулся.

— Маргарет, — поправила она.

Виконт отпустил ее руку и отступил на шаг, глаза горели и его немного покачивало. — Мэгги, если вы еще хоть раз назовете меня Джеймсом, я затолкаю эти простыни вам в глотку.

Она слегка дернулась от неожиданного движения, но распрямилась и сложила руки поверх своих юбок.

— Какое интересное предложение.

— Интересное? — повторил он, недоверие трещало в голове, смешиваясь с расплавленным ощущением собственных мышц и костей. Почему она, черт побери, не убирается, как все остальные? Девчонка или смерти ищет, или невероятно тупа. Виконт решил, что последнее.

Маргарет кивнула, ее взгляд блуждал по матрасу, на котором явно не было никакого белья.

— Вам нравится, когда вас пичкают лекарствами, милорд?

Он слегка покачал головой, борясь с туманом, окутывавшим последние дни его жизни.

— Лекарствами?

— Конечно. Они дают вам морфий, — мягко произнесла она. — Вы разве не знали?

Он оторвал от нее взгляд и с усилием оглядел комнату в поисках чего-нибудь — чего угодно, что удержало бы нарастающий внутри приступ паники. Морфий? Неудивительно, что он чувствовал себя потерянным. Потерянным. Таким потерянным и злым. Пустое отчаяние зашевелилось в животе. Как заставить их прекратить давать ему эту дрянь? Чтобы обрести хоть немного ясности. Немного времени. Времени доказать, что он не полностью потерял контроль.

— Нет. Не знал. Но чувствовал, что...

Маргарет чуть-чуть сдвинулась, глядя на дверь.

— Что, что-то не так?

Виконт слегка кивнул, его зубы закрипели: так крепко он сжал челюсти.

Ирландка снова повернула к нему свое спокойное лицо и серьезно произнесла:

— Может, вы поговорите со мной о Софии, если отказываетесь говорить о себе?

Соппротивление, готовое взорваться внутри, превратилось в горящую горку пепла, мокнущую под из-

нурительным лондонским дождем. Все, чего он хотел, это дотащить уставшее тело до постели, рухнуть в нее и свернуться в тугой узел.

— Она умерла. — Слова резонировали по комнате, отталкиваясь от окружавшего его холодного воздуха, словно злобные пересмешники Северного Эссекса, ни на минуту не прекращавшие своего треска.

— Тем больше причин вспомнить о ней, я полагаю.

Он нахмурился, пробираясь через лабиринт ее слов, и медленно, осторожно поинтересовался:

— Полагаете?

Это ее лицо, словно у всех святых дев во всех соборах, в каждой богом забытой дыре в Европе, смотрело на него, такое спокойное, совсем не затронутое его дикостью, полное... совершенства. Совершенство, как он выяснил, обычно оказывалось искусной личиной, созданной, чтобы скрывать под нею нечто ужасное. Какие кошмары могут скрываться под этим фарфоровым фасадом? Может, ему следует попробовать допросить ее?

Он сухо улыбнулся.

— А вам нравится вспоминать своих мертвых, Мэгги?

Ее плечи напряглись под отглаженной шерстью лифа.

— Да.

Стенхоуп покачал головой, поднял палец и помахал в ее сторону.

— Вы лжете.

Было так соблазнительно позволить плечам опуститься и сломаться под бременем человеческой тщетности. Все лгут. Все предают. Даже мертвые. Те, кто потерял для него. Но, в конце концов, разве он самый большой предатель из всех?

Виконт пронзил ее взглядом, призывая продолжить, зывая к Богу, в которого не верил, чтобы она сдалась